

Аникина И. В.,

доцент кафедры славянских языков и зарубежной литературы
Уманского государственного педагогического университета имени Павла Тычины

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СБОРОМ УРОЖАЯ, В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI – XVII ВЕКОВ

Аннотация. В статье представлен лексико-семантический анализ наименований лиц, занимающихся сбором урожая, в памятниках русской письменности XVI – XVII вв. Выявлены инновации в составе сельскохозяйственной лексики русского языка исследуемого периода.

Ключевые слова: наименования лиц, занимающихся сбором урожая, вторичная номинация, агентив, инновация, гипероним.

Постановка проблемы. В словарном составе каждого языка наименования лица представлены развитой микросистемой языковых единиц, разнообразных в структурном, семантическом и функциональном отношениях. Эти единицы объединены универсальными категориальными семантическими признаками, которые «свойственны каждому народу, независимо от того, каким языком данная языковая общность пользуется» [1, с. 127]; они представляют различные сферы человеческой деятельности несколькими семантическими темами с той или иной степенью детализации, специфичной для каждого языка.

К актуальным направлениям лингвистических исследований последних десятилетий относится изучение механизмов вторичной номинации. Объектом особенно пристального внимания исследователей являются производные наименования лица как с формально выраженными какими-либо элементами номинации отношениями производности, так и не имеющие формальных показателей семантической мотивированности.

Анализ последних исследований и публикаций. Основные понятия ономазиологии наиболее полно разработаны в деривационной ономазиологии, или учении о номинации в сфере производных слов, развиваемом в трудах М. Докулила, Е.С. Кубряковой, И.С. Улуханова, Л.А. Капанадзе, Р.С. Манчуряна, К.Г. Городенской, Л.А. Шкатовой и др. Именно поэтому изучение словообразования «позволяет <...> сделать заключение о том, как членится нашим мышлением экстралингвистическая реальность, какими оказываются мотивы обозначения и какие ономазиологические категории получают отражение на словообразовательном, грамматическом или же лексическом уровнях» [2, с. 346].

Цель статьи – осуществить лексико-семантический анализ наименований лиц (далее – НЛ), занимающихся сбором урожая, в памятниках русской письменности XVI – XVII веков.

Изложение основного материала. Подгруппа наименований лиц, осуществляющих различные виды полевых работ по сбору урожая зерновых культур, их заготовке и хранению, в памятниках XVI – XVII вв. представлена исконными вторичными номинациями – общеславянскими *жнецъ* (*жнея*), *жатель* и собственно русскими лексемами *иматель*, *вьятель*, *косарь*, *косецъ*, *подсевальщикъ*, *сенокосецъ*, *копновозъ*, *кучевозъ*.

Так, в памятниках XVI в. впервые употребляются разнообразные по используемой номинативной технике агентивы

косарь, *косецъ*, *иматель*, *сенокосецъ*, *копновозъ*; в памятниках XVII в. лексические единицы *подсевальщикъ*, *кучевозъ*.

В текстах исследуемого периода употребляются и НЛ большей диахронической глубины (общеславянские, общевосточнославянские и раннего периода формирования русского национального языка XV в.). Остальные компоненты анализируемой подгруппы НЛ по признаку их диахронической глубины (по времени их первой фиксации в памятниках русской письменности) характеризуются следующим образом: X в. – *жнецъ*; XI в. – *жатель*; XV в. – *вьятель*; XVI в. – *жнея* (женский коррелят к *жнецъ*).

Объектом нашего анализа являются инновации XVII в. в подгруппе НЛ, занимающихся сбором урожая. Они представлены гиперонимом *иматель* и рядом видовых НЛ.

Иматель – «сборщик урожая» [3–6, с. 225]. Древнерусское образование возникло с помощью суффикса *-тель* от основы глагола *имать*, общеславянского по происхождению / др.-рус. *имати* восходит к праслав. *ǰmati* «братъ». Ср.: лит. *imti* – «братъ»; лтш. *emt*; др.-инд. *im̐t*; лат. *emere* – «братъ, приобретает, покупать» [4, с. 155]. Мотивирующий глагол *имати* в древнерусском языке передавал ряд значений: 1) братъ; 2) братъ в долг, занимать; 3) захватывать [5–1, с. 1091], ср. *Аже кто много режь ималь, то томоу не имати* (Русская Правда Владимира Мономаха); *А онъ у васъ велитъ пошлыны имать тиуну своему* (Ввозн. Гр. Протас. 1508 г.); *Что есмь по два лѣта съ той земли хлѣбъ имали и в водѣ рыбы ловили* (Псков. 1 л. 6973 г.). В «Материалах» И.И. Срезневского фиксируется многозначное отглагольное существительное на *-ние имани*~. Первым в системе его значений И.И. Срезневский выделяет значение «сбор, жатва»: *имани*~ 1) сбор, жатва: *Наче имани(я) винного* (Суд. VIII 2. по сп. XIV в.); 2) захват; 3) требование; 4) имущество [5–1, с. 1091].

Агентивное производное *иматель* со значением «сборщик урожая» впервые фиксируют памятники русской письменности рубежа XV – XVI вв., например: *Якожь побираемъ вслѣдъ имателя винного на блевение доидохъ. И яко иматель насыпахі точило* (Сирах XXXIII, 15–16, Биол. Генн. 1499 г.) [3–6, с. 225].

Лексема *иматель* не сохранилась в словарном составе современного русского языка, хотя номинат «сборщик урожая» не утрачивал своей актуальности в коммуникативных сферах сельского хозяйства на протяжении XVIII – XIX вв. Так, В.И. Даль приводит целый ряд вариантных номинаций, функционирующих в «живом русском языке» XIX в.: *иматель*, *имательница*, *имальшикъ*, *имальщица*, *имачъ*, *имачка* – «тот, кто берёт, ловит, собирает, берётся за что-то» [6–2, с. 42].

Подсевальщикъ. В текстах XVII в. впервые фиксируется производное наименование *подсевальщикъ* – «работник, который занимался посеванием-просеванием хлеба через особые решетки (грохоты) от сора» [3–16, с. 1654].

Г.П. Цыганенко полагает, что номинация в этом случае осуществляется префиксально-суффиксальным способом словообразования, интерпретирует словообразовательную структуру наименования *подсвальщикъ* как производное, образованное от основы древнеславянского глагола *сеять* с помощью приставки *под-* и суффикса *-льщикъ* [4, с. 377], т. е. по словообразовательной модели «приставка *под-* + основа глагола + суффикс *-льщикъ*». Представляется, что предложенная трактовка словообразовательной структуры агента *подсвальщикъ* нуждается в уточнении, так как, с одной стороны, формирование комплексного словообразовательного форманта, включающего префикс *под-* и суффикс *-льщикъ* (*под-...-льщикъ*), его деривационные связи в историческом словообразовании недостаточно изучены; в то же время исследования динамического аспекта словообразовательной системы русского языка XV – XVII вв., в том числе изменений в суффиксальном словообразовании существительных лица, показали, что морфема *-льщикъ* уже функционирует в текстах XVI в., специализируясь на оформлении глагольных основ несовершенного вида [7, с. 29]. С другой стороны, одно из процессуальных значений девербата *сьни~* – «просевание» [5–3, с. 906]: *Съни~мь решетьнымъ отстають отроуби* (Пчел. И. публ. б., 111).

И.И. Срезневский в «Материалах» лексему *подсвальщикъ* не отмечает. Термин впервые начинает использоваться в русском языке в XVII в. Приведём примеры из памятников письменности изучаемого времени: *Дворишко Стенки Терентьева подсвальщика, худъ и бѣденъ и ему платить обрѣкъ по десяти алтынъ на годъ* (Кн. п. Нижегород., 123, 1622 г.); *Двор Стенки Терентьева подсвальщика, оброку 10 алт.* (Кн. прих. Нижегород., II, 55, 1646 г.) [3–16, с. 1654].

Агентив *подсвальщикъ* в значении «промышленник, ходящий с грохотами по деревьям и очищающий хлеб» отмечается в «Толковом словаре» В.И. Даля [6–3, с. 208]. В словниках современных толковых словарей русского языка он отсутствует.

Косарь. Первую письменную фиксацию в текстах XVII в. получает агентивное значение деривата *косарь* – «работник, который косит сено». Собственно русское образование возникло с помощью суффикса *-арь* от праславянского корня *кос-* (*коса, косить*) [4, с. 192; 5–1, 12, с. 1294].

Предметное существительное *коса* известно по памятникам русской письменности с начала XIV в., нередко оно употребляется в составе устойчивых формул, в которые входят и другие наименования орудий сельскохозяйственного труда: *топоръ, соха, плугъ, серпъ*. Глагол *косити* чаще употребляется в текстах конца XIV в., ср.: *(Съ) серпом и со косами* (Жал. Гр. Гал. кн. Льв. д. 1301 г.); *Даль есми в домъ светаго Спаса и светаго Благовещьня архимариту Малавѣю съ братією свою вотчинную пустошь селища Спасское... со вѣсмъ, покаместъ плугъ ходилъ и коса, и с бортнымъ ужожемъ* (Дан. Гр. Ниж. Благ. Мон. ок. 1400 г.); *Кудъ топоръ ходилъ и коса и соха ходила* (Жал. Гр. Ферап. Пуст. 1450 г.); *Со вѣсми угоды, куда ходила коса и съкира* (Новг. Дан. XIV–XV в.); *Пахати, и косити, и орати* (Докл. м. Геронт. 1474 г.) [3–7, с. 355].

Как видно из приведенных примеров, объектную валентность глагол *косити* обычно реализует в синтагмах с существительными *сьно, лугъ*: *сьно косити*; как непереходный глагол употребляется в контексте глаголов той же лексико-семантической группы (*орати, пахати*): *пахати, косити и орати; лугы... ни косити, ни орати*.

И.И. Срезневский в «Материалах» лексему *косарь* не отмечает; она начинает употребляться в текстах XVI в. в предметном значении «лёгкий топорок с удлинённым лезвием, тяжелый нож на топорыше», например: *Коваль <...> четыре косаря да кляпикъ <...> даль три алтына* (Кн. Расх. Корел. м., № 937, 61, 1563 г.); *Косарь лучину щепать ц<ена> гривна* (Тов. цен. росп., 71, 1649 г.). В памятниках русской письменности XVII века лексема *косарь* передает и агентивное значение «тот, кто косит сено», например: *Дано косарямъ шесть алтын 4 де<нги>* (Южновеликорус. письм., 234, 1705 г.) [3–7, с. 357].

В текстах XVI в. в агентивном значении «тот, кто косит сено» употреблялось однокоренное производное *косецъ*, образованное с помощью суффикса *-ецъ* [4, с. 92; 5–1, с. 1294]. Например: *Старецъ Герасимъ Толстомъ на верхнихъ пожняхъ наимоваль казаковъ сънокосцовъ, наиму даль косцомъ и копновозомъ и брусоносомъ 7 рублевъ 4 де<нги>* (Кн. прих.-расх. Кир. м., 9, 1581 г.). Это же агентивное значение лексема *косецъ* передает и в текстах XVII в.: *Старецъ Дмитрей Шаблікин на Олексье наволоке наимоваль косцовъ и гребцовъ и купилъ рыбы и луку и чесноку и огурцовъ и про косцовъ мяса тушню – говядины* (Кн. расх. Кир. м., № 381, 30, 1606 г.) [3–7, с. 358].

Словообразовательные варианты *косарь* и *косецъ* до настоящего времени сохранились в словарном составе русского языка. В «Толковом словаре» В.И. Даля фиксируются агентивы *косарь* и *косецъ* в значении «тот, кто косит траву, работает косяком», а также инструментальное значение деривата *косарь* – «большой, тяжелый нож для щепленья лучины, рубки костей, который делается из обломка косы» [6–2, с. 173].

В «Словаре русских народных говоров» приводится широкий набор инструментальных значений слова *косарь*: «большой нож для хлеба» (Новг. 1895, Иркут.); «обломок косы, употребляемый как нож» (Арх. 1907, Волог., Твер. 1968 г.); «топор» (Тул. 1900, Арх.); «отвал у сохи» (Южн.-урал. 1968); «инструмент для нарезок а створе сосны, что добывать смолу» (Юж.-урал. 1968); отмечаются два зооморфных значения «косарь – тетерев-самец» (Юж.-урал. 1968 г.); «рыба чехонь» (Влад. 1899) [8–15, с. 49].

Дериват *косецъ* в южных говорах передает «орнитологическое» значение «птица, тетерев-самец» (Юж.); в других – значение лица характеризующего типа – «разбойник, грабитель» (Смол. 1852) [8–15, с. 49].

Словари современного русского языка интерпретируют *косарь*¹ в агентивном и *косарь*² в инструментальном значениях как омонимы. Ср. «**косарь**¹, -а, м. Тот, кто косит траву, хлеба; косец; **косарь**², -а, м. Большой широкий нож с широким лезвием для щепания лучины, соскабливания чего-л. и т. п.» [9–2, с. 110]: *Петро молча глядел на косарей. Они шли по старинке – в ряд, одновременно взмахивая сверкающими на солнце косами* (Поповкин, «Семья Рубанюк»); <Жена Ивана> *наколола косарем от сухого полена лучины и развела на загнетке огонь* (Соколов-Микитов, «Пыль»); *Мать стояла перед плиткой и косарем соскребала с нее нагоревшую грязь* (Гладков, «Вольница»).

Однокоренное производное *косец* передает агентивное значение, синонимичное *косарь*¹ – «тот кто косит траву, хлеб». Значение агента *косец* в словарях современного русского языка описывается дефиницией отсылочного типа: «**косец**, -сца, м. То же, что **косарь**¹» [9–2, с. 110]. Синонимы *косарь* и *косец* употребительны в пределах одного и того же текста: <Петра> *не раз премировали как одного из лучших косцов* (Поповкин, «Семья Рубанюк»).

В текстах исследуемого периода впервые фиксируются композитные номинации лица – *сенокосецъ*, *копновозъ* (конец XVI в.), *кучевозъ* (середина XVII в.).

Сенокосецъ. Собственно русское образование *сенокосецъ* – «работник, который косит сено» – возникло с помощью сложения праславянских по происхождению основ существительных сено + косец [4, с. 192; 5–1, с. 896].

И.И. Срезневский в «Материалах» лексему *сенокосецъ* не отмечает. Первую письменную фиксацию она получает в текстах второй половины XVI в., примеры ее употребления в памятниках русской письменности немногочисленны: *Наимоваль Козаковъ сенокосцовъ на иму даль косцомъ и копновозомъ 7 рублев 4 де<нги>* (Кн. прих.-расх. Кир. м., 1581 г.) [3–1, с. 896].

В более поздних текстах НЛ *сенокосец* не употребляется, отсутствует и в словниках словарей современного русского общепотребительного языка. Как свидетельствует «Толковый словарь» В.И. Даля, в территориально и социально ограниченных сферах функционирования «живого русского языка» оно не выходило из употребления на протяжении XIX в. В.И. Даль в статье с заголовочным словом *сено* фиксирует *сенокосецъ* как агентивное наименование в значении «косец, кто косит сено» и как уменьшительную форму имени существительного *сенокось* [6–4, с. 380].

В словниках современных толковых словарей русского языка агентивное наименование *сенокосец*, получившее первую письменную фиксацию в текстах XVI в., отсутствует.

Вьятель. Древнеславянское *вьятель* («тот, кто веял зерно») образовано при помощи суффикса *-тель* от основы глагола *веять* праславянского происхождения [4, с. 57; 5–1, с. 503; 10–1, с. 10], т. е. по словообразовательной модели «основа глагола + суффикс *-тель*».

Впервые лексема *вьятель* фиксируется в текстах XV в., употребляется в значении «лицо, которое веет зерно» [5–1, с. 503]: *Ликинин Вьятель* (Жит. Фед. Стр. 11. Мин. Чет. февр. 346. XV в.).

В том же значении агентив употребляется и в текстах XVII в., например: *Пьяницы же и пропоицы... своему житню веятели явяхуся* (Праздник саб., 50 XVII в.) [9–2, с. 138]. В.И. Даль в «Толковом словаре» отмечает варианты словообразовательные номинации *вьятель* и *вьяльщикъ*: *Хозяину ворошокъ, а вьяльщикомъ (а молотильщикомъ) каши горшокъ* [6–1, с. 336].

В современном русском языке в результате специализации словообразовательных морфем закрепился вариант с суффиксом *-льщик*, производящая основа которого синкретично выражает процессуальный и инструментальный признаки: *веять* – «очищать зерно от мякины» и *веялка* – «сельскохозяйственная машина для очистки зерна после молотбы от мякины и сора» [9–1, с. 161]; лексическое значение трансформируется: *веяльщикъ* – «тот, кто веет, очищает зерно от мякины и сора на ветру или при помощи веялки; тот, кто работает на веялке» [9–1, с. 161].

Жатель, жнецъ. Значение «тот, кто жнёт, жнец» в текстах XVI – XVII вв. передают варианты производные наименования *жатель* и *жнецъ*.

Собственно русское НЛ *жатель* образовано с помощью суффикса *-тель* от основы глагола *жать* праславянского происхождения (ср.: праслав. *žeti*; ст.-сл. *жти*) [4, с. 127; 5–1, с. 846; 10–1, с. 223]. Агентив *жатель* («жнец»), известный по памятникам письменности древнейшей поры (впервые употребляет-

ся в текстах XI в.), сохраняет свое значение и в исследуемый период развития русского языка. Ср. контексты его употребления в памятниках XI – XVII вв.: *Въ врьм жатьв рекъ жательмъ* (МО XIII. 30. Остр. св. Жателя. Дан. XIV, 32); *Быше си живыи въ земли свои, слоужителемъ люди своихъ* (Изб. 1073 г.) [5–1, с. 848]; *Нивы угобзившея многихъ требуютъ жатель* (ВМЧ, Окт. 4–18, 1242, XVI в.); *И утъшиивъ ю, повелъ ей ясти съ жатели и събирати классы посреди сноповъ невъзбранно* (Хроногр. 1512 г., 102) [3–5, с. 77].

В.И. Даль в «Толковом словаре» описывает его значение дефиницией «кто жнет, сымает хлеб серпом» [6–1, с. 528]; в «Словаре русских народных говоров» выделяется несколько значений: «кол, шест, которым прижимают солому, сено на возу» (Волог. 1887 г.); «человек, который нажимает, жмёт что-либо (н-р при гнущии полоза)» (Олон., Слов. Акад. 1897) [8–10, с. 86].

В современных толковых словарях общепотребительного русского языка словарные статьи с заголовочным словом *жатель* отсутствуют.

Наименование *жнецъ* образовано посредством суффикса *-ецъ* от основы глагола «жать, жну» старославянского происхождения (ср.: укр. «жнець, жати», бел. «жну, жаць», ст.-сл. «жън, жати», болг. «жъна, жну», сербохорв. «жнѣм, жѣти», словен. «žanjem, žeti», чеш. «žnu») [4, с. 127; 5–1, с. 887; 10–1, с. 223; 11–1, с. 60], т. е. по словообразовательной модели «основа глагола + суф. *-ецъ*».

Лексема *жнецъ* («тот, кто жнёт») впервые начала употребляться в текстах XIII в.: *Приде ... къ жнецемъ свомъ и пер<е>жнуцимъ: гсѣ съвами* (Палея Толк., 365, 1406 ~ XIII в.), *Идуци ему къ жнецемъ съ брашномъ исъ водою* (Дан. ш. нор., 101) [5–1, с. 887].

Как свидетельствуют тексты XVI – XVII вв., в исследуемый период слово *жнецъ* не претерпело семантических изменений, передавало то же агентивное значение, например: *Наимоваль жнецовъ жати крестьянского хлѣба овса* (Кн. Прих.-расх. Прил. м., № 88, 6, 1620 г.) [3–5, с. 121]. Кроме агентива *жнецъ*, в текстах середины XVI в. получает отражение функционирование в народной речи и его женского коррелята *жнея*, например: *Наимоваль казаковъ въ монастыр(ь) на страду и жнецъ въ деревню* (Кн. расх. Корел. м. № 935, 63 об, 1559 г.) [3–5, с. 121].

Лексема *жнецъ* без семантических трансформаций сохранилась в словарном составе современного русского языка. Ср. в «Толковом словаре» В.И. Даля *жнецъ* м. (жнея ж.) – «кто жнет, сымает хлеб серпом» [6–1, с. 528]; в современных словарях русского языка лексическое значение НЛ *жнецъ* описывается дефиницией «тот, кто жнёт хлебные злаки» [9–1, с. 488]. Совершенно очевидно, что различие приведенных дефиниций заключается в форме интерпретации одного и то же значения.

В отличие от коррелятивной пары наименований *жнецъ*, м. – *жница*, ж. (женск. к *жнецъ*), слово *жнея* в словарях современного русского языка сопровождается пометой «устарелое и областное». На протяжении исторического развития словарного состава русского языка лексема *жнея* «обрасталала» предметными (инструментальными) значениями, функционировала как частичный синоним предметного существительного *жнейка* – «жатвенная машина». Ср. «*жнея 2*. То же, что *жнейка* – жатвенная машина» [9–1, с. 488; 12, с. 186]: *Тут проехали все верхами жнею смотреть* (Л. Толстой, «Анна Каренина»).

Копновозъ. Собственно русское НЛ *копновозъ* («тот, кто возит копны с поля») образовано способом сложения основ

копна («копна сена», копна волоковая – «копна сена, которую можно перевезти волоком за один прием») [3–7, с. 297] и *возить* от основ имени существительного *копа* + суффикс *-н*, славянский по происхождению (ср.: укр. копа – «кладь хлеба из 60 снопов», болг. копа – «куча», сербохорв. копа – «стог», словен. кора – «куча») [11–1, с. 316] и основы существительного *воз*, славянского по происхождению (посредством чередования *е/о* создано от глагол. корня *вед* – сущ. *воз* («телега»), а от этого последнего – глаг. *возить*) [4, с. 51].

НЛ *копновозь* в «Материалах» И.И. Срезневского отсутствует. Впервые упоминается в русской письменности XVI в., например: *Наимоваль Козаковъ стьнокосцовъ наиму даль косцомъ и копновозомъ... 7 рублевъ 4 де<ньги>* (Кн. прих.-расх. Кир. м., 9, 1581 г.) [3–7, с. 298].

В академических словарях русского языка XVIII, XIX и XX вв. НЛ *копновозь* не фиксируется.

Кучевозь. Впервые употребляется в текстах XVII в. Памятники русской письменности этого периода отражают многозначность производящего существительного *куча*: «1. Куча, ворох. 2. Единица исчисления сена и площади сенокосного угодья. 3. Кладь, скирд хлеба в снопах. 4. Сложенная в определенном порядке и имеющая определенный объем кладка дров» [3–8, с. 150–151].

Приведем примеры употребления: *Борноволокны и кучовозы назмовозы <...> недѣлю на полях боронили итого имъ дая 4 ал<тына> 4 де<ньги>* (Кн. прих.-расх. Ант. м., № 3, 32 об. 1646 г.); *Прикащику Семену Иголницину дано на жатьѣ хлѣба жнеямъ и стьнокосамъ и гребямъ и кучевозамъ денегъ рубль 22 алтын и 2 денги* (Кн. Расх. Холмог. арх. д., № 16, 52, 1710 г.) [3–8, с. 151].

В академических словарях русского языка XVIII, XIX и XX вв. НЛ *кучевозь* не фиксируется.

Выводы. В подгруппу наименований лиц, занимающихся сбором урожая, входят лексические единицы различной диахронической глубины, мотивируемые ономазиологическим признаком отношения к процессу труда; они представлены отглагольными именами существительными и композитными НЛ, формально-семантически связанными с объектными синтаксическими конструкциями.

Большинство инноваций исследуемого периода – названий лиц собственно русского происхождения – получают первую фиксацию в текстах XVI в.; круг новообразований XVII в. в рассматриваемой подгруппе менее разнообразен. В составе рассмотренной подгруппы НЛ получают отражение характерного для периода формирования национального русского языка явления языковой избыточности, выраженного рядами синонимических НЛ. Перспективным представляется дальнейшее исследование динамического аспекта агентивных наименований в русской сельскохозяйственной лексике.

Литература:

1. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов. Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 3, № 4. С. 35–44.
2. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во МГУ, 1969. 192 с.
3. Словарь русского языка XI – XVII вв.: указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений / АН СССР, Ин-т русского языка; сост. С.Ф. Геккер. М.: Наука, 1975.
4. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. К.: Рад. школа, 1989. 511 с.
5. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М.: Императорская Академия наук, 1893–1912. Т. 1–3.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртэнэ. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. М., 2000. Т. 1–4.
7. Хохлачева В.Н. Словообразование существительных со значением лица. Прокопович С.Н. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. М.: Наука, 1974. С. 11–58.
8. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, И.А. Попова. М.: Л.: Наука, 1965–2004.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: АН СССР, 1981–1984. Т. 1–4.
10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Типография Г. Лиссиера и Д. Совко, 1910–1914.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 1–4.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / гл. ред. С.П. Обнорский: 50000 слов. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. XVIII, 968 с.

Анікіна І. В. Назви осіб, які займаються збиранням урожаю, у пам'ятках російської писемності XVI – XVII ст.

Анотація. У статті здійснено лексико-семантичний аналіз назв осіб, які займаються збиранням урожаю, у пам'ятках російської писемності XVI – XVII ст. Виявлено інновації у складі сільськогосподарської лексики російської мови досліджуваного періоду.

Ключові слова: назви осіб, які займаються збиранням урожаю, вторинна номінація, інновація, агентив, гіперонім.

Anikina I. Names of persons engaged in harvesting, in the monuments of Russian writing of the XVI – XVII centuries

Summary. In the article lexical-semantic analysis of the names of persons engaged in harvesting, in the monuments of Russian writing of the XVI – XVII centuries was carried out. The innovations in the agricultural vocabulary of the Russian language of the investigated period are revealed.

Key words: names of persons engaged in harvesting, secondary nomination, innovation, agent, hyperonym.